

Евгений Фёдоров



СПАСИБО ВАМ!
РАССКАЗЫ О РЕАЛЬНЫХ ЛЮДЯХ

Евгений Фёдоров

**Спасибо Вам! Рассказы
о реальных людях**

«Издательские решения»

Фёдоров Е.

Спасибо Вам! Рассказы о реальных людях / Е. Фёдоров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508556-6

Смешные и трагичные, наивные и незатейливые рассказы о любви, дружбе, предательстве в жизни обычных людей. Охватывают широкий временной промежуток.

ISBN 978-5-00-508556-6

© Фёдоров Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Вспоминая детство	7
Часть 2. Истории реальных людей	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Спасибо Вам!

Рассказы о реальных людях

Евгений Фёдоров

© Евгений Фёдоров, 2019

ISBN 978-5-0050-8556-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моей маме Федоровой Марии Николаевне.

*Тревожится за сына постоянно,
Святой любви великая раба.
Р. Гамзатов*

«Создание малой прозы – особое искусство, нередко ставящее в тупик даже мэтров от литературы. Чтобы написать хороший рассказ, новеллу или притчу, недостаточно найти интересный сюжет. Писателю нужно раскрыть проблему, вывести яркие характеры, обрисовать характерные детали, и всё это – в небольшом по объёму тексте.

Рассказы [Евгения Фёдорова](#) можно смело назвать «безупречными» – они полностью соответствуют всем литературным требованиям. Автор, юрист и литератор из Татарстана, создаёт короткие, но исключительно выразительные реалистические произведения. Надо сказать, реализм не в чести у современных писателей. Стало модным разбавлять описания повседневной жизни элементами детектива, мистики и даже фэнтези. Евгений Фёдоров остаётся верен русской классической традиции – рассказывать о том, что происходит «здесь и сейчас», вкладывая в произведение определённые идеи и чувства.

Читая рассказы Фёдорова, опытный читатель почувствует приятную ностальгию. Стиль и интонация текстов невольно напоминают позднего Чехова, Куприна, Бунина. Вместе с тем, радует отсутствие подражательности. Писатель использует собственные художественные средства для изображения действительности.

Тематика рассказов Е. Фёдорова – истории обычных людей с их повседневными радостями и печалью. Временные рамки достаточно широки, от советской эпохи до наших дней. Каждое произведение освещает короткий эпизод, обязательно делая отсылку к предыдущему жизненному опыту героев. По сути, это сжатые повести, в которых умещаются полные биографии, истории взаимоотношений друзей, супругов, родителей и детей.

Безусловное достоинство всех рассказов – язык, выразительный, сочный, со вкусом дополненный простонародной лексикой. Ёмкие фразы складываются в своеобразную мелодию. Автор словно бы ведёт неторопливый монолог, не споря с читателем, не пытаясь эпатировать его. Просто рассказывает истории из жизни, наполняя их своими эмоциями. Выводы каждый сделает сам.

Рассказы Е. Фёдорова – достойное продолжение традиций русского реализма. Жизненные сюжеты, достоверно описанная психология героев, нравственная глубина – всё это будет близко широкому кругу читателей».

*Алексей Герасимов, ведущий специалист
по работе с клиентами, РИ «Эдитус», г. Москва*

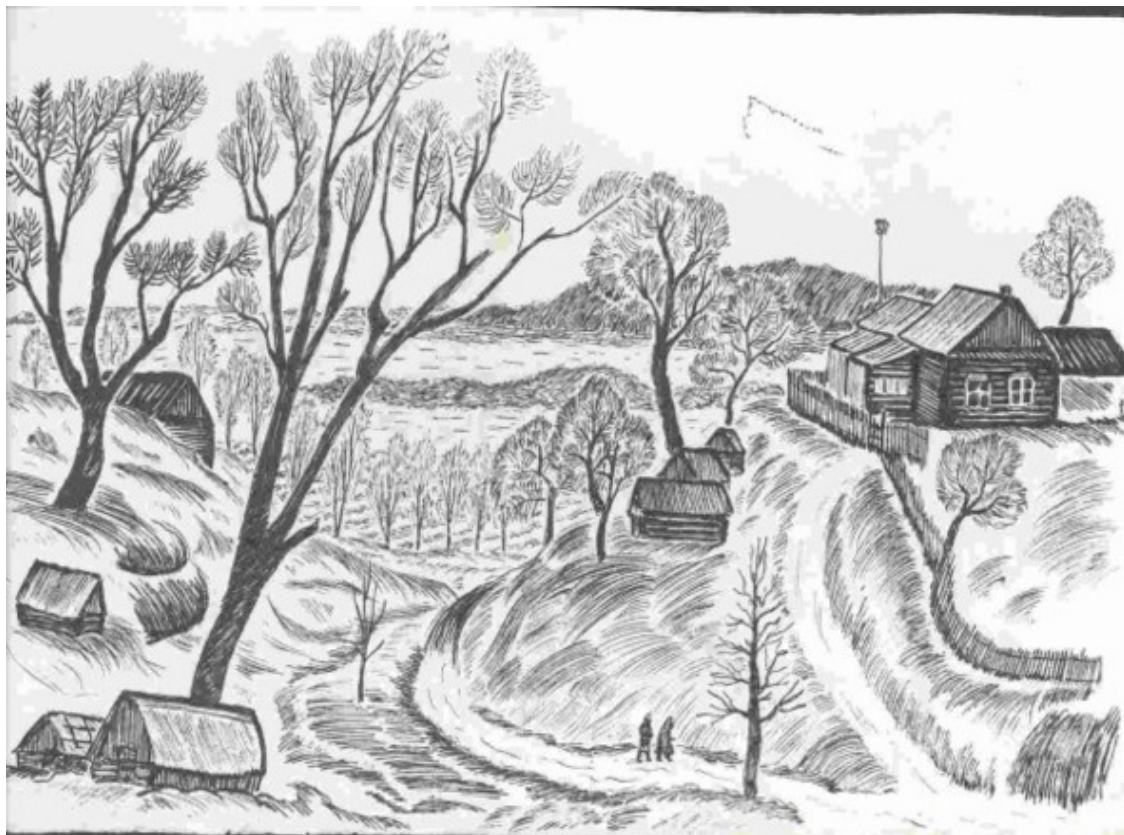
«...Происходящее в рассказах Евгения Фёдорова излагается складным, с нотками народного напева, простым и ритмичным языком. Впрочем, автора есть и за что поругать здесь.

Несмотря на краткость, в тексте встречаются лишние слова. Это бич многих и многих пишущих, но внедрить их в такой малый объём нужно было умудриться.

Сюжеты произведений скроены по реалистическим принципам единства времени, места и действия, что, учитывая небольшой объём текста, вполне оправданно. Герои повествования от вступления к финалу преодолевают не только обстоятельства, но и собственные слабости. Благодаря чему развязка выглядит логичной и естественной. Смекалка, чаще всего с которой разрешается финал, усиливает ощущение сказочности, но не противоречит реалистическому тону историй... Автор имеет полное право любоваться своими созданиями, радоваться их счастью, переживать создаваемое, что он с успехом, не скрываясь, и делает. Этой искренностью он увлекает и читателя, чем и решает главную задачу художественного произведения: даёт читателю возможность вместе с собой прожить чужую жизнь, посмотреть на мир и на себя глазами другого человека, принять на себя прививку от зла, наполняющего реальность, через соприкосновение с искусством. Одним словом, автора тут есть за что похвалить, за перо он взялся не зря».

*Андрей Ларин, редактор
журнала «Новая Литература», г. Москва*

Часть 1. Вспоминая детство



Дедушкин мед.

Жаркий июльский день середины месяца – пора цветения гречихи и время активного медосбора пчеловодов. В саду, среди яблонь, кустов малины и смородины, у дедушки стоял десяток ульев синих и желтых цветовых оттенков. Да, пасека небольших размеров, не заточенная на заработок: мой дед не гнался за количеством и выгоды не искал. Порой, весь собранный мед он раздавал просто так, от души, родственникам и соседям, а сами с бабушкой оставались без сладкого. Пчеловодство – работа не из лёгких, требующая и физических, и умственных сил, к тому же, в жару через лицевую сетку дышать трудно, а для дедушки не было лучшего отдыха – энергией заряжался.

Неутомимые работники-пчелосемьи, полностью загруженные, возвращались домой с распложенного за огородами гречишного поля, ароматного и нежнейшего моря оттенков розового цвета, садились на леток, передавали по акту сдал-принял нектар и пыльцу пчелам-приемщицам, и снова отряд сборщиков улетал. Дед открывал крышку улья, и нас недружелюбно встречали встревоженные непрошенными гостями сёстры пчёлки Майи. Брови нахмурили и смотрят на нас злыми глазами, готовые броситься на защиту своей гудящей семьи. Тогда дедушка брал мозолистыми руками дымарь и нагнетаемой мехами струей дыма тлеющего трутовика умирал, успокаивал черно-желтых полосатиков. Затем он отдирает пахнущий прополисом край холстика от рамок и вдыхал его. «Если пчёлы повернуты ко мне попками, значит, дымом пыхтеть больше не надо», —учил меня. Осторожно доставал рамки и внимательно осматривал со всех сторон и продолжал: «Мёд запечатан, значит, зрелый. Будем качать», — заключал он.

Помню, был озадачен тем, что дедушку никогда пчёлы не жалили. Это сейчас задним умом понимаю: он был просто добрым и пчел любил, и, мне кажется, они отвечали ему взаимностью. Я же для них был человеком пришлым, пахнущим невкусными городскими запахами. Стоял рядом, смотрел и боялся лишним движением ещё больше разозлить их. Думалось, что они все жужжат только над моей головой и сетка на лице не спасет от их вездесущих жал – ходил бы я потом опухший. Пока дед не видел (заругает: «чего зазря пыхтеть»), хватал спасительный дымарь и окуривал себя с ног до головы.

Дедушка ножом аккуратно распечатывал соты и рамки устанавливал в кассеты медогонки. И вот наступал мой самый любимый этап – откачка меда. Хватал обеими руками ручку и, тренируя бицепс, раскручивал как центрифугу. Дед меня хвалил, и я, довольный, улыбался до ушей, с ещё большим усилием налегая на ручку. С каждым оборотом скорость становилась больше, а моё пыхтение – громче. Подчиняясь центробежной силе, мед расплескивался по стенкам бочки и постепенно тягучей массой сползал вниз. Рядом уже стояли люди, готовые подставить свои ведра и банки. Дедушка открывал кран, и светло-коричневая, пурпурного оттенка, струя гречишного меда тянулась и не прерывалась, наполняя тары всех желающих.

Как заслуженную награду за проделанную работу (и деду помог, и мышцы подкачал), я обожал краюху хлебushка макнуть в свежий, насыщенный ярким запахом сушёных трав и полевых цветов гречишный мёд, смачно пожевать, почувствовать терпкость, жжение, небольшое першение в горле и запить молочком. Божественный, ни с чем несравнимый вкус. Бабушка потом ругала за крошки в медовой миске. Говорила: «Надо есть ложкой!» Но ведь хлебом – вкуснее.

Десятки лет прошло, а память о любимом деле дедушки и вкусе его меда до сих пор греет меня.

Чай дедушки.

Как же было здорово чаевничать с дедом, когда теплые посиделки у самовара устраивались летним вечерком. В приятном предвкушении я усаживался за стол, во главе которого дед шумно прихлебывал черный байховый чай, кряхтел от удовольствия, вытирал полотенцем вспотевшее лицо и травил забавные байки.

У бабушки и дедушки быт был простым, без изысков, впрочем, наверное, как и во всех деревенских домах. Однако ж уюта от этого меньше не становилось.

Широкая скамья буквой «Г» огибала стол и дальним концом упиралась в стену. На стене по левую сторону от рукомойника и лохани висел дедом сколоченный из тесаных досок посудный шкаф. На той же скамье, у окна, стоял сепаратор, в будние дни на нем бабушка делала самые вкусные в мире сливки.

Часы с кукушкой и гириями в виде елочных шишек на цепочке висели над моей головой. Каждые полчаса дверь открывалась, вылетала невзрачная птичка и механическим голосом «пела» ку-ку отведенное количество раз. Рыжая Мурка о мою голую ногу терлась, ластилась мурча, требовала свою порцию внимания. В настежь открытые створки окна я вдыхал нежность яблони в цвету. Все эти мелочи создавали ламповую атмосферу. Как картина перед глазами.

Готовый поделиться кипяточком самовар на жостовском расписном подносе стоял на краю стола, певуче пыхтел пузатыми боками в усталом изнеможении. С каждым выпитым блюдцем разговор делался неспешным. Преимущественно велись беседы о животных и огородных посадках, не особо интересные мне в силу юного возраста. А вот к завершению, когда хозяйские темы исчерпались, дед переключался на шуточные.

– А знаешь, внучек, как мы сейчас пьем чай? Как называется этот способ? — вопрошал дед хрипловатым голосом, шумно отхлебывал и очередной кусок сладкого белого камня брал из мастерски изогнутой стеклодувом сахарницы.

Я почесывал затылок: всегда пил и не задумывался о названии.

– Просто пьем, и все. Без названия.

– Вот! Не знаешь. Как мы пьем, это называется вприкуску, – дед понизил голос, будто нечто сакральное поведал.

– Сахарок размачиваешь в блюде, чтобы помякше стал, кусаешь и чайком запиваешь. Всё делаешь со вкусом, с удовольствием. Во! – Для пущей убедительности степенно продемонстрировал сказанное.

– Старый, опять ты завел свою пластинку! Отстань от малого! – отчитывала незлобиво бабушка и замахнулась на деда.

– Бабушка, не ругай деда! Мне же интересно.

Дед рассказывал также, что раньше вприкуску пили совсем по-другому: через сахар. Отколотый кусочек «Сахарной головы» с синим отливом, по твердости напоминающий камень, зажимали между передними зубами и через него потягивали ароматный горячий напиток, издавая при этом шумные характерные звуки. Я пытался повторить трюк с сахаром, однако же не получалось, ловкости не хватило.

– Дедушка, а почему сахар называли «Сахарная голова»?

– Когда его делали, сахарный сироп заливали в похожие на конус формы. Он застывал, форму снимали, а глыба сахара походила на голову. Вот и прозвали его так.

– А знаешь, как пить чай вприглядку? – хитро подмигивал дед.

– Неа. А как это? Приглядывать за сахаром, чтобы не украли? – я пожимал плечами, а дед хохотал над моей версией. Бабушку тоже повеселило мое предположение.

– А делали, значит, так. Сахар мой батя клал в центр стола, мы всей семьей смотрели на него и хлебали пустой, постный, иногда даже морковный, чай. В старину, знаешь ли, сахар был шибко дорогой, вот так и экономили. Уразумел, внучек?

Я слушал деда с огромным интересом, опустошая блюдец. Он подливал обжигающего напитка и умолкал, видимо, уносясь в свое далекое босоное детство.

В завершение ликбеза я брал маслицем щедро намазанный шмат бабушкиного хлебушка, да вприкуску с сахарком, да прихлебывал горячего чая из блюда и опустевший граненый стакан под носик самовара для очередной порции подставлял. Все проделывал со вкусом, с удовольствием – как дед учил. А как же: дед плохому не научит.

Вернуться бы на денек в то время, с наслаждением попить чай с дедом и послушать очередную забавную историю.

Зима в деревне.

Поздний предновогодний вечер. Глубокая тишина, будто всё замерло, затаилось перед шумными праздниками. Как по заказу ни одной проезжающей машины. Гирлянды огней на елках в домах напротив, словно морзянкой мигают: «Скоро Новый год!» За моим окном белая стена танцующих в свете фонаря снежинок призывает честной народ выйти на улицу и почистить дорожки. Эх, как соскучились мои руки: взять бы лопату, почувствовать гладкую поверхность деревянного черенка да покидать пушистого снега. Затем повернуться и с удовлетворением посмотреть на проделанную работу. Представил себе эту живую картину, и вспомнилась зима в деревне.

В былые времена, когда лето было летом, а зима – зимой, снегу наметало вровень с крышей избы: бросишь взгляд на деревню, и только чёрные трубы, дымящиеся на фоне бескрайней белой целины, видны. На ночь запирались, лопаты оставляя в сених, поближе к двери. Иначе утром не выбраться по сугробам к сараю скотину кормить.

Дыхание облачком пара растворяется в морозном, колючем воздухе, пахнущем конским навозом. Развалившийся в санях на соломе мужик в тулупе окриком погоняет лошадь. Небо чистое, кругом светло до рези в глазах. Но нас это не останавливает. С соседкой – веселой, боевой девчонкой Маринкой в огромном сугробе копаем штаб, благо снег прессованный и можно

вырезать кубики, формируя стол и стулья. А если наиграемся в войнушку, бесстрашно, громко оглашая округу криками: «Урааа!», сальто-мортале прыгаем с крыши дома в зимнюю перину до «не могу больше».

А когда сил не остается, краснощекий, уставший, но довольный, вваливаешься через порог в избу, как в бане пару напустив. Бабушка наругает, потребует вернуться в сени веником смахнуть снег с валенок. Быстро скидываешь простуженную верхнюю одежду и прижимаешься к теплому, выкрашенному известкой боку печки. Отогреваешь замерзшие пальцы, будто в них тысяча иголок воткнута, и слушаешь музыку «симфонического оркестра»: печь гудит натужно, как труба, завывая и понижая тон; бабушка звенит и гремит заслонкой, как медными тарелками, вытаскивая ухватом из утробы печи чугунок с гороховым супом. Вкусный запах разлетается по всем углам задней избы. Мне невтерпёж – еще немного и изойду слюной. Дед по случаю праздника выставляет на стол уже поспевший пузатый, медного отлива самовар и зовет к столу. Отменно притомленный супец с красноватой картошкой и неразвалившимся горохом в прозрачном бульоне быстро заканчивается в моей тарелке под звон ложки.

Хочется еще, но добавки не прошу: нужно место для ароматного чая. Нальешь в блюдце горячего заваренного зверобоя, душицы и шумно отхлебываешь с янтарным ароматным медком вприкуску, причмокивая и кряхтя от удовольствия.

Напившись чаю, возвращаешься на печку, в обнимку с рыжей кошкой поудобнее расположишься на лежанке за цветными задернутыми шторами. Глаза закроешь и слушаешь тиканье часов с кукушкой и негромкий разговор стариков. «Завтра надо секретную комнату в штабе выкопать», – успеваю подумать и проваливаюсь в сладкий, ничем не тревожимый сон. Тепло, хорошо и спокойно. И амбре дедушкиной бражки во фляге рядом не помеха.

Маленькая бабушка.

С давних детских времен поселилась в моей груди почти ежевечерняя щемлящая боль по неустанно ждущей бабушке, живущей по соседству с моей родной бабушкой. Я часто ее вспоминаю. Со временем стерлось из памяти выражение лица, но трагичный и вместе с тем тёплый образ остался нетронутым. Да, тогда я был сопливым мальцом и всего понимать не мог. И тем не менее, чувство вины – будто недодал, не доделал, не договорил – закрепилось во мне намертво.

Вечером, когда мычащее стадо коров разошлось по домам, когда струйки молока отзвенели по стенкам ведер и Буренки, подоенные, стоят в хлевах, жуя вкусно пахнущую свежескошенную траву, когда вдоволь поел парного молока с краюхой ноздрястого хлеба, вновь выбегаю на улицу и вижу маленькую, сгорбленную бабушку-соседку, вышедшую посидеть на крыльце.

Одинокая бабушка на крыльце с резным обрамлением, одиноко стоящего на окраине деревни старого, но всё ещё крепкого, дома, в тени такого же старого и большого дерева. Она часто вспоминала, как с мужем бережно сажали это дерево, как всем миром ставили пятистенок, как вырастили трех замечательных, трудолюбивых сыновей и как отказывалась верить с фронта пришедшим четверем похоронкам.

Крепкая для своих глубоких лет, высохшая годами и тяжёлой работой, она семенила ножками довольно резво. Завидев нас, безбашенно носящуюся детвору, подзывала к себе и, каждого, обнимая, ласково теплой ладошкой по голове гладила. Как своих внучат любила нас – грела свое сердце, и ее маленькое сморщенное лицо сияло. Чувствуя ее теплоту, мы льнули к ней и наперегонки бежали в гости, зная о ждущем нас угощении. Сидели за столом у открытого окна и ногами болтали, за что получали упрёк: «Нельзя ногами болтать. Черта катаете!» Макая в крупную соль, ели вареные куриные яйца, грызли круглые лимонные конфеты, обсыпанные сахаром, и запивали чаем из граненых стаканов. Бабушка смотрела на нас, что-то неслышно шептала губами и уголком платка вытирала глаза. А мы жевали и не понимали своими детскими головами причину ее слез.

У нее всегда в избе пахло только-только вышедшим из печи хлебом. В углу стояла железная кровать с круглыми, блестящими набалдашниками спинок и пирамидкой подушек у изголовья. На подоконнике в чугунке росло раскидистое алоэ. Вдоль стены тянулась широкая лавка, устланная вязаным покрывалом, которое постоянно сползало под нашими неусидчивыми попками. Цветной длинный коврик убежал под стол. На стенах висели довоенные, временем пожелтевшие, фотографии в деревянных рамках со стеклом. В сенцах на гвоздях висели пахучие пучки бабушкой собранных в лесу трав и небольшой мешочек орехов. Каждый раз, проходя мимо, я тайком через дырочку в мешке вытаскивал несколько штук.

В стеклах окон отражается спустившееся за горизонт закатное солнце. Сверчки ненавязчиво застрекотали только им понятные песни. Сумерки. Детвора, наигравшись, разбежалась по домам. И только маленькая бабушка, сложив руки на трости, все сидит на крыльце и старыми, подслеповатыми глазами смотрит в начало улицы – ждёт возвращения своих любимых...

Соседи.

Что значат соседи и какую роль они играют в жизни я уяснил для себя в далёком детстве, когда в семье одежда от старшего ребёнка переходила для носки в наследство младшему. Правильно ведь говорят: «Дети учатся не на словах, а на примерах». Вот и я учился, на несуществующий наматывал.

Сенокосная пора в деревне – одна из важнейших неотложных работ: накосить, высушить и привезти без потерь больших трудов стоит.

Когда доверху нагруженная высоким стогом сена машина приезжала домой, принято было дружно всеми соседями помогать, дабы до дождя быстрее убрать высушенную траву на хранение в безопасное место. Такая работа с шутками-прибаутками над младшими спорилась. Я, конечно, не стоял в стороне от этой весёлой движухи: тоже брал в руки вилы и присоединялся к работающим. Воткнул 3 острых зуба по самый ободок, побольше выхватил из общей кучи сваленного сена и, как муравей, несущий высоко над головой. А за шиворот сыплется мелочь травы и к потной спине прилипает. Но не останавливаюсь почесаться, не хочу отставать от взрослых – засмеют: «Ты чего, Жень, филонишь?» И даже будущие мозоли не пугают. Работал наравне со взрослыми, без поблажек на возраст и жару. Сделал несколько ходок, чуть притомился и почувствовал усталость в отяжелевших руках, а во рту – пустыню Сахару. Жутко хочется пить. Зачерпнул ковшом холодной колодезной воды и, несмотря на ломоту в зубах, пью, как конь на водопое.

Довольно скоро сено оказывалось под крышей сеновала, а группа добровольных помощников за столом гостеприимной хозяйки. Тётя Вера Кузьмина никогда не отпускала, не накормив в благодарность вкуснейшими варениками с земляникой. За широким столом у открытого окна усаживались и стар и млад. Хозяйка ставила в центр стола большую миску горячий, пышущей паром, пахучей вкуснятины. А нас, изголодавшихся, уговаривать начинать уминать вареники было не нужно. Их следовало есть непременно руками, потому что просто гигантские размеры имели. Возьмешь один такой, красиво писанный умелыми руками тёти Веры, здоровенный вареник, откусишь краешек, и ароматный, не приторно сладкий, с легкой кислинкой теплый сок брызнет в рот. Этот божественный вкус никогда не забудется!

Вот так и жили, друг другу помогая: просто и душевно.

Гуашь на окне.

В моём советском детстве многие дети свои новогодние фантазии художественно выражали на окнах квартир и домов, срисовывая с открыток Дедов Морозов, зверушек, елочки и т. п.

В безынттернетные времена люди писали поздравления на открытках и отправляли почтой. Поэтому дома их много собиралось со всех праздников и дней рождений. Я брал тол-

стю пачку старых открыток и, как карты, перетасовывал, выбирая новогодние с космонавтами и ракетами. Обязательно ставил на подоконник большую кружку горячего чая, отхлебывал вприкуску с конфетами «Каракум» и, окуная кисть в пластмассовые баночки гуаши, наносил на стекло мазки вышедшего в открытый космос космонавта. Когда вырисовывалась цельная картинка, как настоящий художник, задумчиво подперев подбородок рукой, отступал на пару метров назад оценить перспективу и пропорции. Довольный результатом, я выпивал остывший чай – последний хрустящий фантик с верблюдами на лицевой стороне добавлялся к лежащим на подоконнике – и заканчивал рисунок.

... В углу зала стоит пахучая елка с мигающей вьющейся по веткам гирляндой, разноцветными шарами и ватой на зелёных иголках, а в окне человек в скафандре приветливо машет рукой и поздравляет с Новым годом. И неважно, что окна на пятом этаже и никому с улицы мои художественные замыслы не видны.

Дела брадобрейные.

Как обычно, утром бреюсь, (ну как бреюсь – бреют) двухдневную щетину уничтожаю. Намазывая на кожу пахучий крем, взгляделся в мелкий шрифт на тюбике: «Ба! Знакомый производитель». А ведь я к названию приложил свою руку или вернее свой мозг.

Давным-давно участвовал в конкурсе: нужно было придумать название Российской парфюмерной компании, и приз был обещан внушительный, 500000 руб. Недолго думая, на одном дыхании написал около сотни вариантов, отправил письмо и благополучно уехал в санаторий. Возвращаюсь через 6 недель, конкурс, естественно, из головы вылетел. И вдруг приходит извещение о денежном переводе. Моментально вспоминаю о названии и призе. Ураааа! Радости моей не было предела, в голове затанцевала красивая цифра 5 с пятью нулями. Однако прочитанное сопроводительное письмо меня приземлило: предложивших вариант «Калина» была сотня, на них и разделили приз. Немного взгрустнулось о пролетевшей мимо половине миллиона, будто своих лишился. Ну, что ж, и 5000 были неплохими деньгами для того времени.

Сейчас обилие всяких кремов на любой вкус. И как это раньше мылом обходились? Мой дедушка к вопросу бритья подходил основательно, как к важному ритуалу, не терпящему суеты. Поочередно выставлял на серванте круглое зеркальце на подставке, миску с горячей водой, кусок мыла, полысевший помазок и опасную бритву. Степенно усаживался на табурет. И начиналось действие под мычание неизвестной мне мелодии. Уложенный помазком слой пены скрывал щетину. Лезвие острой бритвы, подчиняясь уверенным движениям руки, спокойно, несуетливо ходило по подбородку. Как замороженный, смотрел я на его движения. И улыбался: дедушка не будет колючим. Любил он обнимать и щетиной покалывать.

А папа брился электрической, «Харьков» называлась. Если он доставал из шкафа небольшой футляр коричневого цвета, я в нетерпении знал: походу в кино и мороженому «Пломбир» в вафельном стаканчике быть. Пару минут жужжания, и бритва со спиралевидным проводом аккуратно укладывались обратно в футляр. Последний, фирменный штрих – папа плескал на руки одеколон «Шипр» и, фыркая, растирал его по гладкой коже. Да-да, мой воскресный день пах «Шипром».

Гитарист.

Помню, с наступлением пубертатного возраста вдруг с удивлением обнаружил в одноклассниках сто-о-о-о-лько интересного. Будто другими глазами взглянул на них. Красиво изогнутые брови, стреляющие огненными стрелами глаза и завитки волос могли заставить забыть все их вредности. А при взгляде на выпуклости девчонок сердце начинало биться учащенно и лицо наливалось кровью.

Старшие ребята говорили: «Чтобы понравиться девчонкам нужно играть на гитаре. А ещё лучше – петь под неё. Это проверенный способ». Наматываю на ус бесценный опыт и придумываю план.

В нашей семье уже были два музыканта. Папа на гармошке играл. А брат в столь юном возрасте довольно неплохо умел играть на многих инструментах, в том числе и на акустической шестиструнке. Мне было неудобно просить, к тому же был уверен, аккорды выучить труда не составит. И вот, выждав момент, когда дома никого не было, втайне от всех взял в руки инструмент – погладил лакированную поверхность верхней деки, пробежался подушечками пальцев по ладам грифа, покрутил колки. Сваренные братом накануне струны выглядели новенькими. С усердием дергал и ударял по ним, извлекая, на мой взгляд, гениальные звуки. Я уже видел себя в грезах обласканным вниманием девчонок, толпами с истеричным визгом бегающих за мной. Но недолго преследовали меня фанатки. Всё, в том числе и муки домочадцев и соседей от моих адских какофоний, закончилось на раз-два. Взиньзь – прозвенела, изогнувшись дугой, порванная струна. А с ней – последняя кода несостоявшегося гитариста.

Смотрю на покалеченный инструмент и понимаю: музыкантом мне не быть и песен дворовых не петь. Не моё. Решил продолжить заниматься танцами: они тоже нравятся девчонкам. Тем более, неплохо у меня получалось.

Теперь брат узнал: тогда струна порвалась не сама по себе. Надо поискать в шкафах, не заваливались ли там запасные.

Зарница.

Я метнулся за ножом, и через пару секунд мы с моей спасительницей хрустели сочным приветом лета...

Трепетные бело-желтые языки пламени поначалу будто стеснялись, робко облизывали колотцем сложенные поленья и неизбежно набирали силу, превращаясь в жаркий костер, с треском отстреливая искрами в морозную сонную тишину соснового леса.

Где-то далеко внизу, за косогором, спрятался в утренней дымке шумный город. А нам вдвоём с Вовкой Сальциным, тем самым конкурентом из рассказа о мушкетерском костюме, спокойно, хорошо и тепло. Назначенные классным руководителем главными костровыми, мы затемно привезли на санках охапку дров, всё необходимое для кухни и, довольные проделанной работой, сейчас сидим у огня, греемся, протягивая руки к теплу и, как опытные специалисты по кострам ведем беседы.

– Вовка, смотри, цвет дыма разный. На фоне деревьев он синеватый. А на фоне неба – желтоватый.

Кивком головы показываю на змейкой уходящий ввысь дым и замолкаем, глядя на это волшебство.

– А почему, знаешь?

Он посмотрел на меня узкими, будто в вечном прищуре, хитрыми глазками. Вот, гад, знает ответ и издевается надо мной.

– Не знаю. Может, потому что наверху холоднее? – пожимаю плечами, делая предположение.

– И дыму там холодно? Эх ты, балда, – смеётся надо мной товарищ.

– Зато я знаю, что можно было костёр по-другому разжечь. – пытаюсь реабилитироваться и продолжаю. – Это когда шалашиком дрова складываются, в центре кладется растопка и поджигается. На таком костре и еду можно приготовить, и одежду высушить, и ночёвку осветить. Он самый простой, его использует большинство людей. Только он дров много съедает и быстро выгорает. И называется он шалаш. А наш называется колодец.

Но мои, казалось бы, железобетонные познания, не убедили неугомонного оппонента. Он выкатил грудь колесом, громко засмеялся и, вышагивая перед костром, выдал:

– Подумаешь! Удивил! А я знаю целых 7 способов. Загибай пальцы: звездный, нодья, таёжный, закрытый (он ещё по-другому называется дакота или полинезийский), крот и два, которые ты назвал!

Вовка посмотрел на меня взглядом победителя и закончил:

– Мне папа книгу подарил, в ней про то, как ставить палатки и разжигать костры.

За дискуссией время пролетело незаметно, и подошедшая на игру «Зарница» колонна ровных квадратов-классов нашей школы поставила точку в споре. У нас уже всё было подготовлено: костер горел и ведро родниковой воды на треноге подвешено. О чём и доложили классной.

«Зарница»! Как много в этом слове для сердца школьника отозвалось. Кто из мальчишек и девчонок Советского Союза не играл в неё? Для нас, мальчишек, «Зарница» была сродни дворовой войнушке с автоматами и пестиками, но более масштабного и качественного уровня.

У нас она обычно проводилась зимой, накануне 23 февраля, и школьники с нетерпением ждали ее, потому что уроки в этот день отменялись. На подготовку давалось несколько дней. Все домашние дела срочно откладывались, и начинались сборы меня на войну: из ещё не старой белой простыни на швейной машинке мама шила маскировочную накидку; а я, по совету папы, из плотного картона вырезал погоны, красил и пришивал к плечикам пальто швами в несколько рядов, чтобы сложнее было отодрать.

После очередной проникновенной, напутственной речи, как Ленин на броневике, размахивающего руками военрука, по сигналу казенной ракетницы сотни разноцветных погон с криком «Ура» ринулись искать спрятанное в лесу знамя. Надо сказать, что непосредственно в самом сражении, срывании вражеских погон и поиске главного трофея «Зарницы» принимали участие только мальчишки: было всё как по-взрослому – мужики на войне, женщины в тылу. Девчонки колдовали на полевой кухне и лечили бойцов, вызывая у последних боль в животе от смеха. После первой же атаки к лазарету потянулись «раненные», санитарки их укладывали на носилки, перевязывали бинтами руки-ноги и от души мазали зелёной.

Глядя на всё это, мне становилось до слез обидно: самое интересное пропускаю. Там пацаны не на шутку мутузят друг друга, не жалея погон, сражаются за свой класс, чтобы знамя добыть, а я несерьезными делами занимаюсь. Мои заверения в том, что костер горит, суп варится и Вовка присмотрит за огнем «если чё», подействовали на классную, и я был отпущен в помощь товарищам. Как лось, кинулся в лес, но не стал идти тропой, протоптанной бойцами. Я пошел в обход по поясу в снегу, рассчитывая первым выискать трофей и тем самым принести победу классу. Однако чрезмерно увлекся, и ноги понесли не в ту степь.

Долго ли, коротко ли ходил по лесу, будто мне больше всех надо, никого не встретив и не найдя знамя, вернулся злой, замерзший и голодный. Меня ждало покрытое сажей, опустошенное ведро: весь вкусно пахнувший концентрированный супец со звездочками, о котором мечтал, представляя, как смачно буду его есть из своей глубокой железной миски, одноклассниками большим половником был вычерпан подчистую. Отряд не заметил потери бойца. «Сам виноват, нечего было, как трактор, лазить, где не попадая», – язвительное замечание классной, никак не уменьшало мою досаду.

От голодной смерти спасла одноклассница Римма: протянула руку, а в ней большое яблоко желтого цвета. Я метнулся за ножом, и через пару секунд мы с моей спасительницей хрустели сочным приветом лета. Поступок. Представляете? Кстати, она и сейчас такая же добрая душа, всё опекает меня, чему я безмерно благодарен.

В обратную дорогу нас уже колонной не выстраивали: мероприятие проведено, галочка поставлена, все по домам. Мы шли небольшими группами, никем не организованные и не контролируемые, потрепанные, уставшие, но счастливые.

После всю неделю в школе только и говорили наперебой о «Зарнице»: хвастались своими трофеями, кто и сколько сорвал погон и получил или поставил фингалов под глаз. Хорошо, культурно и с пользой отдыхалось на природе!

Ненастоящие коньки.

Пушистые снежинки, щедро выписанные небесной канцелярией, медленно падали, скрывая белой свежестью серость, грязь дорог и следы людей. Свет от понуро склонившего абажур фонаря направлен ровно в центр залитого льдом открытого катка во дворе, на котором происходит совершенно необычное.

Не первый раз наблюдаю за длинноногой девочкой в полушубке бежевого цвета, красно-белой косматой шапке с ушками и козырьком и белых пушистых варежках. Каждый вечер я быстро заканчивал уроки, чуть ли не вприпрыжку бежал к выходящему во двор окну, усаживался, и в нетерпении ждал ее появления. Ждал девочку, катающуюся в одиночестве!

Была в этом какая-то грустная тайна: ночь, ни души, только одна девочка на корте в блеклом свете такого же одинокого фонаря. Она выходила кататься поздно, почти ночью, когда ледовая площадка становилась безлюдной, а дети сидели по домам, смотрели очередную серию «Ну, погоди!» и пили горячее какао. Наверное, ей было стыдно за беговые коньки «бегаша» на длинных, тонких и ржавых лезвиях. К тому же, черного цвета, старые, со сбившимися, потертыми носками прежним хозяином и большого размера. Они просто ужасно, чуждо смотрелись на тоненькой, хрупкой девочке. Но такая потрясающая девочка не могла обижаться на родителей за то, что не покупали ей красивые белые коньки на высоком каблуке, как у других девочек.

Раз за разом падала она и больно ударялась об лед. Мне даже казалось, что я видел нескончаемые слёзы в ее глазах. Но упорства и желания научиться кататься в ней было больше. Поэтому вновь и вновь вставала и неуклюже повторяла елочку. «А девчонка-то с характером, со стержнем», – думал я. Была в ней потрясающая притягательность, влекущая каждый вечер бежать к окну. Она мне нравилась, и я хотел познакомиться с ней, чтобы вместе кататься. Но для этого нужно для начала научиться просто стоять на коньках, а потом уже – фигурно скользить по льду.

В ту же секунду, не объясняя истинную причину моего желания, огорошил родителей: «Хочу на коньках кататься!» Следующим вечером папа откуда-то принес нечто такое, чего абсолютно не ожидал увидеть: с загнутыми кверху носами лезвий передо мной лежали «Снегурки».

– И как на них кататься? Где ботинки? Гвоздями к ногам прибивать? Да, они же девчачьи!!! – раздосадованный увиденным, кричал я, с трудом сдерживая эмоции,

– Учись пока на них. Научишься – купим настоящие, – похлопывая меня по плечу, обещал папа. Я живо, во всех красках представил гогочущих над моими коньками пацанов в «канадках» и «ледорубах» со двора, что живот тупой болью напомнил о себе. Придется тоже шифроваться и учиться тайком.

В пяти минутах от озера жил папин брат, дядя Коля, охотник, рыбак, много знающий и умеющий. Вот он и вызвался помочь в важном для меня деле, чему я был очень рад, как жираф на водопое. Каждое воскресное утро звонком входной двери я будил дядю Колю. Мы скоро завтракали, приготовленной его женой, тётёй Люсей, шквачашей яичницей с колбасой, и шли к озеру по хрустящему снегу просыпающегося города. Оно встречало нас снежными наносами на замерзшей глади, напоминающими песчаные дюны, и несколькими любителями подледной ловли рыб. Дядя Коля изо всей силы стягивал верёвки и завязывал узлы на моих валенках, чтобы «Снегурки» плотно к подошве прилегали и не болтались. И начинался балет на льду.

– Выставляй левую ногу вперёд, правой – отталкивайся. Теперь поменяй ноги, – раскоряченного держал меня за руки.

– Вот. Молодец. Теперь сам. Раз-два, – подбадривая, командовал мой личный тренер.

Я, конечно, незамедлительно шлепнулся: мне позарез надо было посмотреть сквозь толщу льда на рыбок. Потирая ушибленные бока, я поднимался и начинал всё сначала.

– Ничего. Не нападаешься – не научишься, – глубокомысленно, со знанием дела говорил он.

Я слушал его спокойный голос и верил, что так и будет.

Перед каждой тренировкой я брал папин напильник и точил лезвия коньков, наивно полагая, что они начнут лучше скользить и будет меньше падений. Довольно скоро научился не стесняться, не замечать занятых своим делом рыбаков. И уверенность, что не зря поднимаю с постели дядю Колю, крепла во мне с каждой тренировкой.

Когда перестал рассматривать лёд в упор и мог свободно ехать по прямой и даже поворачивать, решил, что пора выходить из подполья. Весь такой из себя кавалер в новеньких коньках выхожу во двор, а моей девочки нет. Долго ждал. Уже родители два раза выходили домой загонять. А её всё нет и нет. Не было её и на второй, и на третий вечер. Я, как грустный слон, один катался, всё ещё надеясь увидеть её. Позже узнал от дворовых мальчишек, что длинноногая девочка в бежевом полушубке с семьёй переехала в другой город. Так и не состоялось наше знакомство, не состоялись наши покатушки.

Но кататься на коньках я не забросил. Впрочем, это уже была другая история.

Танцы.

Моё пионерское детство, впрочем, как и многих той поры, во внеучебное время интересно и занимательно проходило во множестве кружков Дома пионеров. Это был и судомодельный, где я своими неумелыми мальчишескими руками мастерил самый красивый в мире торпедоносный катер, который к моей гордости выставлялся на конкурсах. Это был и танцевальный, подаривший 4 года яркой, незабываемой жизни.

Для меня было обычным делом наскоро сделать уроки, рассовать по карманам чешки и бежать молодым оленем на репетиции, где в составе танцевальной группы худых, длинношеих мальчишек и девчонок обучался ритмичным, выразительным телодвижениям.

Третьякова Светлана Ефимовна, наш хореограф, лепила из желторотых птенцов танцоров, сносно «плетущих ногами кружева». Когда она взялась за нас, через ее руки уже прошло не одно поколение выпускников. Помимо того, что она была профессионалом своего дела, в ней была, так сказать, органичная педагогичность. У неё естественно получалось спланировать нас походами в кино, прогулками в парк и лыжными покатушками. Причем, на все развлечения и угощения она тратила свои деньги. Светлана Ефимовна никогда не распространялась о личном. Поговаривали: у неё не было ни семьи, ни детей. Поэтому отсутствие оных она и компенсировала работой с ребятней. Мы были для нее как свои дети, а она нам – как мама.

Мы были молодыми, начинающими танцорами. О! Как же нас мучили нудные, бесконечные гранд батманы и прочие упражнения у станка. С бо-о-о-о-льшой неохотой занимались – скучно. Среди всей это тягомотины нам мальчишкам больше всего нравилось то, что легально можно было приблизиться в танце к девочкам и без опасения получить портфелем по голове разглядывать чудесные реснички.

Однажды, чтобы нас, приунывших, вдохновить, Светлана Ефимовна пригласила на репетицию свою давнюю выпускницу – показать, чему научилась, свое мастерство.

Завертелась пластинка латвийской группы Zodiac. В облегающем стройную фигуру балетном трико гостья чуть постояла, послушала ритм композиции Pacific и решительно шагнула в танец.

В этой девушке была невиданная нами доселе грация, пластичность и импровизация. Открыв рты, мы смотрели удивленно в полнейшем безмолвии на это торжество красоты и осознавали, к чему могут привести наши муки у станка.

Довелось мне солировать в особенном танце. Насколько я помню, это был русский народный, в котором вместе с моей напарницей выписывал кренделя в окружении одних девочек. Представляете, 11 девчонок и один мальчик в обтягивающем худые длинные ноги балетном трико черного цвета. Сейчас смешно об этом вспоминать, но знал бы я тогда, что выпуклостью ниже живота стоило гордиться, а не стесняться и не прятаться за шторами, глядишь, танец заиграл бы иными красками.

Сколько было танцев! Сколько было концертов! И, тем не менее, перед каждым выступлением впадал в панику: все движения, что за чем следует, представление общей композиции вылетали напрочь из головы. Думал, столбняк и позор – неизбежный финал многочасовых репетиций. А натирал канифолью подошвы, выбегал на сцену —и в свете ослепляющих глаза софитов всё как по накатанной вытанцовывалось.

В репертуаре нашего ансамбля были народные танцы республик Союза и стран восточной Европы, к примеру, медленные, переходящие в быстрые сиртаки и экспрессивная лезгинка. Как правило, праздники городского масштаба не обходились без нашего участия. Также гастролировали по ближайшим городам-соседям. Даже по республиканскому ТВ показывали нас. Тогда не было понятия звезда, мы были просто известны. Светлана Ефимовна на каждом выступлении всегда стояла за кулисами сцены, волновалась за нас, как за свою семью и гордилась нами, и мы ни разу не подвели нашу маму.

По истечении 4 лет наш состав ансамбля выпустился. Все разошлись по разным стежкам-дорожкам и потерялись из виду. Жаль. Говорили, Светлана Ефимовна ещё долго была верна любимому делу: преподавала молодой поросли па-де-де, пока в начале девяностых хореографы оказались не востребованы и отпущены на вольные хлеба.

Хоккей моего детства.

Люди по-детски радуются первому выпавшему снегу. Первые морозы осторожно ощупывают всё окружающее. Зима делает пробные шаги.

Бывало, в детстве забросишь портфель с учебниками домой, быстренько заточишь бутерброд со сладким чаем и бежишь в судомодельный кружок Дома пионеров, строго научным методом прыжками пробуя на прочность первый ледок замёрзших луж. И календарь ежедневно ручкой помечаешь, отсчитывая наступление настоящей зимы. Ибо с её приходом в каждом дворе заливали лёд на хоккейном корте. Маленькие мальчишки большой страны ждали того момента, когда можно будет надеть коньки, взять клюшку и сразиться в баталии.

Моё раннее знакомство с хоккеем состоялось в первом классе, когда в день моего рождения дедушка подарил совершенно фантастическую игру того времени: настольный хоккей в железном корпусе изумрудного цвета и с пластмассовыми хоккеистами. Я, наивный начинающий хоккеист, по-детски думал немедля начать гонять шайбу. Ради такого события даже не пошёл на улицу в сугробе копать штаб. Ага! Взрослые с огромным азартом сами начали играть, а нас детей не подпускали, делая вид, что изучают инструкцию. Я был вероломно потрясён и удивлён: подарок мой, а играют дяди. Но позже, я стал мастером спорта настольного хоккея, одной левой выигрывал соперников.

1984 год. Альметьевск. Во дворце спорта проходил XX всесоюзный финал «Золотая шайба». Приехал сам Анатолий Тарасов, знаменитый тренер ЦСКА и сборной СССР, и аж 16 команд со всего Союза. Каждой команде выделили отдельный автобус. И всех разместили в лагере «Дружба». Нас, тринадцатилетних пацанов и девчонок, с горящими глазами и юными сердцами в белых рубашках и красных галстуках, привлекли к празднику хоккея. В частности, мне доверили очень важную миссию на не менее важном посту: нажимать на кнопку, включа-

ющую фонарь за воротами. Когда вратарь пропускал шайбу, с очень важным видом давил, как мне казалось, секретную, кнопку. Зажигался красный свет, и я представлял, что где-то, куда-то полетела запущенная мной ракета.

Как давно это было, как будто в другой жизни. Года пролетели, и я вновь на хоккее. Разом массивной плитой всё на меня навалилось: множество знакомых лиц, одноклассники, острые игровые моменты, заброшенные шайбы, светские разговоры за жизнь, горячий кофе в перерыве и т. п. Всё смешалось. Даже не знаю, что больше понравилось: сама игра или движуха вокруг неё. Нет, вру – девчонки группы поддержки точно понравились больше.

При возможности, надо будет ещё сходить/съездить на хоккей. Хотя бы ради неожиданных и приятных встреч с людьми, которых не видел 100 лет.

Часть 2. Истории реальных людей



Гараж.

Они подружились, когда 2 года в одной и той же воинской части носили погоны с буквами «СА». До армии их дорожки не пересекались, даром что призывались из одного города.

Два разнохарактерных человека. Сергей бесхитростный. Его несуетливая спокойность порой доводила земляка до бешенства. А вот Виталик был полной противоположностью: отличался чрезмерной, подчас пустой, деятельностью. В одном он был постоянен: свою выгоду никогда не упускал. Как он смог получить блатное место хлебореза, никому не было ведомо. Тот еще проныра.

Друзья отслужили честь по чести. Демобилизовавшись, свадьбы сыграли в один год и стали дружить семьями. Их женщины страшно ревновали. Мол: «Ты с другом больше времени проводишь, у вас и рыбалка, и футбол, и гараж. А меня в твоей жизни мало».

Не единожды случалось одалживали друг другу большие деньги: без расписок, потому как доверяли. В начале – на покупку бытовой техники, мебели, а потом – на машины. Словом, обживались, обрастали бытом.

– Две весны, две зимы в кирзовых сапогах, это знаете ли, не фунт изюма съесть. Через что наша дружба крепка и нерушима. – Любил повторять Виталий, хвастаясь по поводу и без.

Так и жили долгие годы сообща – выручали, помогали, ставили на ноги детей. Казалось, дружбу, сцементированную трудностями армейской жизни, ничто не могло поколебать. Ан, нет. Жизнь преподносит сюрпризы, коих совсем не ждешь.

Поздним часом июньской ночи друзья вернулись уставшие с двухдневной рыбалки. Виталий открыл ворота и остался внутри гаража, намереваясь скорректировать движение. Сергей, как обычно, заводил машину задним ходом. То ли один замешкался, то ли другой не разглядел в зеркале заднего вида. Все ж таки случилось то, что случилось: удар, крик и матерная брань лежащего на полу Виталия. На этом спокойная, размеренная жизнь Сергея закончилась.

Нежданно-негаданно наступившая нетрудоспособность поначалу веселила мужчин.

– Серёга, у меня там не закрытый, а открытый перелом. – Заговорщицки прошептал и кивком головы указал на ногу.

– И у тебя там золото, бриллианты спрятаны.

– Ишь балагуры, зубоскалы! У человека нога того. Работать не может, зарплаты нет, целыми днями лежит на диване увальнем. А они гогочут! Безответственные! – Ругалась жена Виталия.

– Мать, отстань, не жужжи. Я на больничном, имею право.

– Имеет он право! Хромать потом на инвалидности всю жизнь тоже имеешь право?! А о детях ты подумал?! – Сергей понимал, что эти колкие слова были предназначены для его ушей.

– Витёк, ты прости меня. Немало я виноват перед тобой. – Сергей слов оправданий не искал. Более того, казнил себя за нерасторопность вкупе с невнимательностью.

– Да, ладно. Что уж теперь. У меня к тебе претензий нет. – Говорил он, в охотку жуя принесенную другом копченую скумбрию.

Вернувшись домой от друга, у Сергея состоялся доверительный разговор с женой.

– Юлить не в моём характере. Ты же знаешь. Да и не по-дружески, не по-человечески это. Наделал «делов», значит, отвечай. – Без обиняков говорил он своей жене.

– Серёж, надо бы помочь им. Им сейчас тяжело: детей кормить, поднимать, – предложила она, поддерживая мужа

– Знаешь, Надюша, я тоже об этом думал. Повезло мне с тобой, потому что не в каждой семье супруги смотрят в одну сторону и видят одно и то же.

На том и порешили. Сергей по доброй воле, по зову сердца как мог старался компенсировать финансовый просадок друга деньгами, мясом и овощами с личного хозяйства. Кроме того, возил друга по всяким медицинским надобностям.

Всё бы ничего, всё бы пережила семья Сергея. Но, Виталий вошёл во вкус, если не сказать «оборзел». Голосом, не терпящим возражений, стал выказывать другу нужду в деньгах на обследование, лекарства, на такси в поликлинику и прочее, и прочее.

– Он что, несколько раз в день ездит в поликлинику?! – злился Сергей, исчерпав, казалось бы, неограниченное спокойствие.

На этом страдалец не остановился: Виталия понесло. Трясущейся рукой Сергей держал клочок бумаги, на котором канцелярским языком он вызывался в суд в качестве ответчика. Обыкновенный бланк повестки возымел эффект грома среди ясного неба. Сергей не мог поверить своим глазам. «Не может быть! Это ошибка!» – думал он, не в силах сдвинуться с места.

Вскоре состоялось судебное разбирательство. Грузно припадая на правую ногу, Виталий подошел к трибуне и со слезой в глазу поведал о голодных, некормленных детях, о невыносимых физических болях и моральных страданиях, кои он испытывает в связи с причиненным увечьем, что не дает ему сил и возможностей полноценно участвовать в строительстве коммунизма. Попутно, не моргнув глазом, ловко намекнул на умысел ответчика. И вишенка на торте – никакой помощи, компенсации он не получил.

Сергей, напротив, был немногословен: виноват, готов понести наказание, доказательств оказанной помощи нет. В итоге, своим решением судья обязал его в срок выплатить пострадавшему кругленькую сумму.

Сергей под руку с женой покинул душное здание суда. Он ослабил удавом стягивающий шею галстук: не хватало воздуха, на сердце тяжесть. Сергей выглядел постаревшим, нерво-трепка и переживания последнего времени поистерли его молодость.

Они расположились на скамейке в тенистой аллее ровных рядов высоких тополей. Обоим нужно было успокоиться, отдышаться и по возможности прийти в себя. Тополинный пух бережно ложился на плечи сидящих, которые пытались осмыслить или даже принять новую реальность.

Омраченный думой, Сергей тяжело вздыхал и рисовал в голове цифры дополнительных расходов. «Сдюжим, а сутяжничать не буду!»

– Серёжа, ничего, справимся. Было бы здоровье. – Она положила голову ему на плечо. – От чего-то откажемся, что-то отложим на потом. Кто же знал, что так всё обернется. Какой нормальный человек будет собирать чеки и требовать с друга расписки?!

– Надюша, я тебе сегодня говорил, какая ты замечательная и хорошая? Не нудишь, не пилишь! Настоящая жена! – он приобнял её и притянул к себе.

– Гляди, наш страдалец. – Возле бочки желтого цвета стоял Виталий с большой кружкой в руках, допивая пенный хмельной напиток. Затем он бодренько так пошёл в сторону наблюдающих за ним. Хромоты не было. Совсем.

Виталий понял, что спалился, когда их взгляды встретились. Мгновенно резвая походка преобразилась: страдалец вновь стал припадать на ногу. Охая и ахая от запредельных болей, он подошел к скамейке и, как ни в чём ни бывало, будто и не было судебных тяжб и нерво-трепок, выдал:

– Серега, давай на рыбалку сгоняем. На твоей машине. Ты же понимаешь, я не могу на своей: нога.

Сергей выдержал паузу, посмотрел в наглые глаза бывшего друга, горько усмехнулся и коротко поставил жирную точку:

– Забудь, артист!

– Пойдём, Надюша, – он взял за руку жену, и они удалились прочь от непонимающего человека.

Их спины красноречивее всех слов говорили, что дружбе пришел конец.

Бросила всё и уехала к нему.

Есть у меня друг Максим. Судьба несёт его по дороге жизни отнюдь не прямой и гладкой: ухабов и неожиданно крутых поворотов на ней предостаточно.

Ольга, маленькая, хрупкая, но чрезвычайно энергичная, женщина с короткой стрижкой черных, как беззвездная ночь, волос случайно попала на страницу Максима и залипла на картинах. Не нарочитый, не показушный оптимизм в каждой картине не оставил и следа от настроения «грусть, печаль моя, тоска», и захотелось глянуть на автора, написать несколько слов благодарности. На всех фото сидящий в коляске мужчина смотрел открытым, готовым видеть новое, взглядом прямо в ее глаза – она пережила второе потрясение после картин.

Что и говорить, так и познакомились – свели их картины и настроение на нуле. К обоюдному счастью общение сразу установилось и шло на короткой ноге, будто вчера только простились. Узнавали, доверяли, делились сокровенным, заботились, беспокоились друг о друге с каждым днём больше и не чувствовали желаний и необходимости врать.

Ольга узнала, что сломавший позвоночник в юности, многие годы он искал дело по душе и физическим возможностям. Как-то он попробовал несильными руками рисовать гелевой ручкой. Результат его окрылил! Позже, обретя уверенность руки, сноровку и опыт, Максим обрёл второе дыхание: из-под пера выходили в свет и выставлялись в галерее многие его работы.

Время шло своим чередом, они становились ближе, несмотря на тысячи километров, их разделяющие. Появление Ольги в жизни Максима отразилось блеском в глазах и пристрастием к творчеству, что не осталось незамеченным ни мамой, ни отчимом, ни друзьями.

– Макс, ты влюблён? – Он сиял, как медный пятак, в ответ.

Их без фальши тянуло друг к другу. На крыльях любви Ольга приезжала к нему поговорить, вживую пообщаться, и они ничуть не разочаровались. Уже позже, вспоминая волнительные моменты тех счастливых дней их встречи и уединения, миллионы черных букв на белом фоне в сообщениях было ими отправлено.

Пришла беда-горе откуда Максим не ждал: неожиданно и быстро, за месяц сгорела от рака мама. Утешить своего мужчину Ольга примчалась с твердым намерением остаться.

– Вы взрослые, прочно стоите на ногах, справитесь без меня. – Говорила она своим детям с надеждой найти понимание. – Я должна быть с ним, я нужна ему.

Максим тяжело переживал утрату, чувствуя, как сердце болью жметя. Слез не было, они замерли в своих мешочках, готовые потечь и задрожать на ресницах.

– Почему? За что?! Ведь ещё молодая. Ей бы жить ещё, да жить, цветы садить, мечтать, любить.

– Мама была сильная, красивая и счастливая. Одно хорошо: не успела долго мучиться. Пусть ей будет там хорошо. – Обнимая его, черноволосая женщина говорила со слезами на глазах.

Он думал о том, как быть дальше: в тягость никому оставаться не желал.

– Я буду тебя брить, буду мыть и всё, что необходимо! Только не возражай, не прогоняй, а расскажи, как это делать, – Ольга почувствовала мысли своего мужчины.

В скором времени за матерью также неожиданно и трагично отправился отчим, ко всему прочему оставив еще кучу проблем.

После судебных тяжб и дележа наследства с детьми отчима достался Максиму покосившийся от времени старый домик в деревне: стандартный пятистеноч под двускатной шиферной крышей.

– Ничего, крыша над головой есть. Заведём курочек, козу. Живы будем – не помрем, как говорила моя бабушка. – Оптимизма женщине было не занимать.

– А, знаешь, Оля, я хочу сказать тебе спасибо, что постучалась ко мне в личку и написала тогда, в день нашего знакомства, «Привет». – Максим закопался в черные волосы Ольги, вдыхал до возбуждения знакомый аромат духов. – До тебя я не строил планов, жил тюленем, день прожил и то хорошо. А теперь хочу жить для тебя, ради тебя! И я сделаю всё, чтобы ты никогда ни о чём не пожалела.

Пока писал эти строки, стало известно о новом испытании: на разбитой дороге, к сожалению, Максим вылетел из коляски и поломал ногу аж в трех местах. Теперь слег на 4 месяца, а аппарат Елизарова всё это время будет служить неким арт объектом. Он справится, тем более у него мощная поддержка маленькой, хрупкой, счастливой женщины с короткой стрижкой черных волос.

Ветер.

Принародное обещание председателя дать новую лошадь Вениамин воспринял без энтузиазма. Он на свои деньги купил мотороллер «Муравей», на котором работал в своем хозяйстве до того момента, когда в деревню протянули газопровод и в каждом доме заработала газовая плита.

Запряженная в телегу лошадь пронеслась по пыльной деревенской дороге и, распугивая кур, замедлила ход у раскрашенных ромашками ворот. Вениамин осадил животное и крикнул в глубь двора.

– Тётъ Катъ, газ привёз. Принимай.

Мужчина спрыгнул с телеги, накинуд вожжи на штакетник, сильными руками привычно поднял и понес на плече красный баллон с белой надписью на боку «пропан». Хозяйка засеменяла навстречу в испачканном мукой фартуке.

– Вениамин Никитович, вот уважил. Спасибочки, дорогой, – затянула благодарственную песнь старая женщина.

– Опять ты за своё, тётъ Катъ. Да будет тебе. Это моя работа.

– Ну да, ну да. Я тут пирожки с яйцом и зелёным луком стряпаю. Зашёл бы, поел.

– Некогда. В другой раз.

Рождённый в многодетной семье и воспитанный в заботе о ближнем, он с честью несет родительскую мудрость: быть открытым людям и не делить их на плохих и хороших. Вениамин Никитич степенного, рассудительного нрава, пристрастия к сорокаградусной не имеет и бранным словом злоупотреблять не любителъ. Земляки за это его и уважали, а ещё за честную работу газовика. При встречах и рукопожатиях в одних он видел неподдельное радушие, в других – неприкрытое заискивание, от которого его коробило.

– Вениамин Никитич, газ закончился. Как бы мне побыстрее поменять баллон? – не единожды он слышал подобное.

В те времена, когда из телевизора стареющий Леонид Ильич вещал об очередных успехах партии, газификация деревень и сел только ещё набирала обороты. И поэтому Вениамин развозил по домам пропан. Причём делал это своевременно, в соответствии с заявками, и всё равно находились недовольные, дескать, им приходится долго ждать, а он себя и родню обеспечивает в первую очередь.

В столь нужном жителям деревни деле ему помогала лошадь по кличке Ветер – конь статный, красивый, несмотря на деревенское происхождение. Ко всему прочему умный, без принуждения, ориентируясь на собственный навигатор, направлял оглобли на правильную дорогу. По команде «Склад» Ветер шел к каменному строению, в целях безопасности находящемуся на окраине деревни. Это было газовое хозяйство Вениамина, в котором он хранил пустые и полные баллоны. Изодня в день Ветер служил своему хозяину, тянул телегу и получал любимые яблоко или морковку, пока однажды не случилось нечто невиданное, вызвавшее в деревенских жителях бурю негодования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.